

ЛУИ ЖАКОЛИО

Грабители морей • Затерянные в океане

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Ж 23

Перевод с французского Е. Киселева и А. Лакидэ

Составитель Александр Лютиков

Серийное оформление Вадима Пожидаева

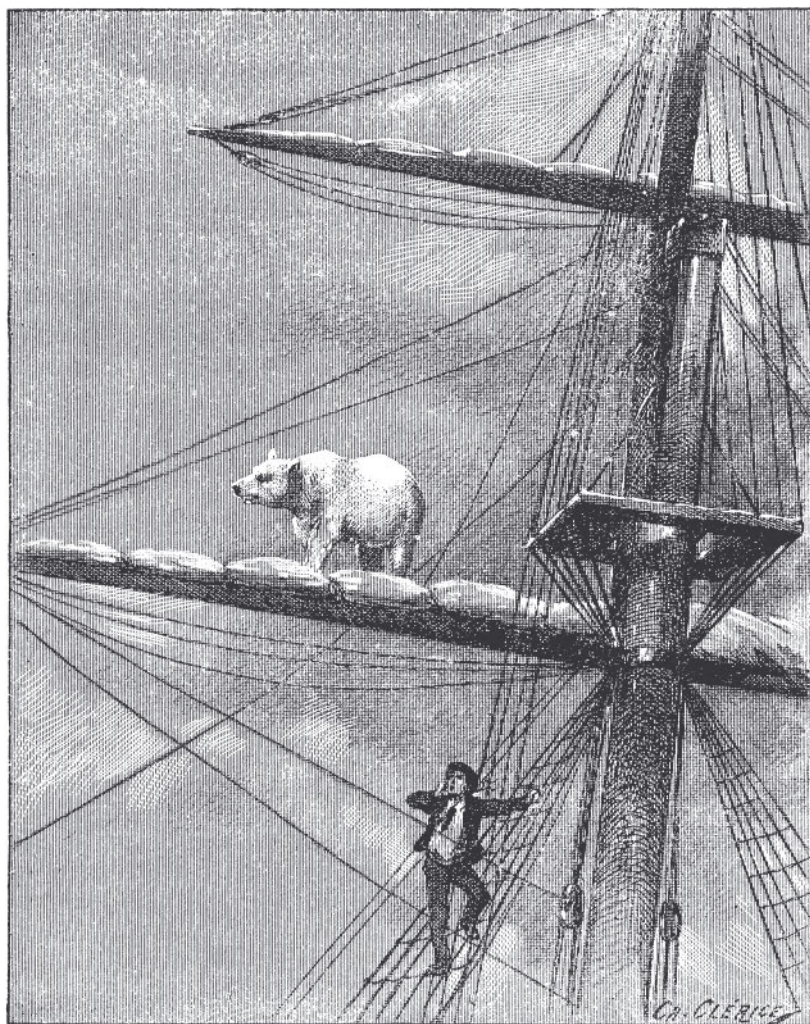
Оформление обложки Валерия Гореликова

Иллюстрации Шарля Клериса

ISBN 978-5-389-16164-1

© Издание на русском языке,
состав, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2019
Издательство АЗБУКА®

Грабители морей

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПИРАТЫ МАЛЬСТРЕМА

Глава I КАПИТАН ВЕЛЬЗЕВУЛ И НАДОД КРАСНОГЛАЗЫЙ

Солнце в виде багрового шара садилось за мыс Нордкап¹, огненными лучами своими озаряя и как бы даже воспламеняя высокие ледники Гренландии и равнины Лапландии. Дул бурный северный ветер; большие сердитые волны Ледовитого океана разбивались о бесчисленные островки и подводные скалы, окружающие северную оконечность Норвегии и образующие вокруг земли как бы пояс из пены, преграждающий к ней всякий доступ. Невозможно было разглядеть ни одного удобопроходимого местечка среди этих бурлящих и клокочущих масс воды, налетавших со всех сторон, сталкивавшихся друг с дружкой в водовороте между скалами и то низвергавшихся в черные бездны, то, подобно смерчам, вздымавшихся до самого неба. Разве только прибрежный рыбац, знакомый со всеми местными входами и выходами, решился

¹ Мыс на острове Магерё на севере Норвегии. (Здесь и далее примеч. редактора.)

бы, застигнутый бурей, пройти, сбегая от нее, через эти опасные места.

А между тем в сумерках догорающего дня можно было разглядеть здесь какой-то корабль — судя по оснастке, бриг и, по-видимому, из Ботнического залива, — делавший невероятные усилия выйти в море, одолеть ветер и волны, толкавшие его прямо к скалам. Корабль маневрировал прекрасно — видно было, что его ведет опытный капитан, следовательно, нельзя было объяснить небрежностью командира тот факт, что корабль попал в такое опасное положение. Вернее всего, что судно загнал сюда непредвиденный шквал, вдруг подхвативший и понесший его на эту грозную линию утесов, предательски скрытую под широким плащом седой пены.

Трудна, не под силу кораблю была эта борьба с разнудавшимися стихиями. Волны бросали его из стороны в сторону, как ореховую скорлупу. Вода переливалась через всю палубу, от одного конца до другого, и люди хватались за веревки, за что попало, только бы не быть унесенными в море. Команда из шестидесяти примерно матросов выбивалась из сил.

На мостике, держась за перила, стояли двое мужчин и с тревогой наблюдали погоду и ход корабля.

Один из них был капитаном: его можно было узнать по рупору, который он приставил к губам, чтобы, командуя, перекрикивать рев урагана. Нахмутив брови, устремив глаза на горизонт, покрытый тяжелыми тучами, в которых медно-красным отблеском отражались последние лучи закатившегося солнца, он стоял, по-видимому, совершенно спокойно, как если бы погода была самая тихая и благоприятная. Зато его товарищ, с ног до головы закутанный в морской плащ с поднятым капюшоном, был возбужден и взволнован до крайних пределов.

— Это все ты виноват, Ингольф, — неустанно твердил он капитану. — Всею виной твоя смешная осторожность, твоя ужасная флегматичность. Приди мы часом раньше, проход был бы свободен, потому что в то время этот чертовский ветер еще не поднялся, и плыли бы мы теперь совершенно благополучно по закрытому от ветра фьорду.

— Заладил одно! — отозвался Ингольф. — Жаль только, Над, что этим ты делу нисколько не поможешь и ветер не переменится от этого ни на одну четверть... что, впрочем, было бы для нас спасением.

— Что ты говоришь?

— Говорю, что если через полчаса ветер не переменится, то мы погибли.

— Погибли! — с ужасом воскликнул тот, кого называли Надом (уменьшительное от Надод). — Как — погибли?!

— Очень просто, — отвечал Ингольф так спокойно, как если бы он сидел где-нибудь в безопасном месте на твердой земле и потягивал из стакана норвежский эль. — Я все средства, все маневры перепробовал. Скоро, пожалуй, придется рубить мачты.

- Как же быть?
- Никак. Разве с такой бурей можно бороться? Через полчаса, если так будет продолжаться, пиши пропало.
- Послушай, ведь ты такой опытный... Неужели ты не можешь что-нибудь придумать?
- То есть это что же придумать? Средство идти против ветра, когда он вместе с течением несет тебя к берегу?.. Нет, братец, тут никакая опытность не поможет.
- Стало быть, мы, по-твоему, бесповоротно осуждены?
- Да, если в течение получаса ничего не случится.
- Значит, ты надеешься только на чудо?
- Чудо тут ни при чем. Нас губит не чудо, а буря, и спасти нас может самая естественная перемена ветра, помимо всяких чудес. Нужно только, чтобы эта перемена наступила в известный срок.
- Неужели ты будешь спокойно ждать?..
- Да ведь больше нечего и делать.
- Меня бесит твое спокойствие, Ингольф.
- А меня твое беснование только смешит, — возразил Ингольф с обычным своим беззвучным смехом.
- И вот результат экспедиции, которая должна была принести нам тридцать миллионов!.. Быть может, даже больше — несметное богатство!.. Гибель — и когда же! Почти у самой пристани!
- Над помолчал, потом продолжил, понизив голос и грозно хмурясь:
- И даже это бы ничего. Бог с ним, с золотом, с богатством!.. Но ждать этой минуты двадцать лет — и вдруг умереть, когда желанная месть так близка, так возможна!.. Вот что ужасно.
- А мне, напротив, это даже приятно, — возразил Ингольф. — Смерть на виселице или во время погони за каким-нибудь купеческим суденышком во всяком случае менее почетна, чем гибель в борьбе за тридцать миллионов. Такая гибель вполне достойна пирата Ингольфа Проклятого, не говоря уже о том, что свою долю из тридцати миллионов я бросаю не в Каттегат.
- Флибустьер засмеялся собственной остроте, заключавшейся в непередаваемой игре слов. Известно, что Каттегатом называется пролив, соединяющий Северное море с Балтийским. По-шведски это название означает «кошачья нора».
- Стало быть, ты еще надеешься? — спросил Надод, цепляясь за соломинку.
- Говорят же тебе, ветер капризен, как женщина, и может перемениться с минуты на минуту. Да и вообще в море никогда

нельзя знать, что последует в следующий миг. Достаточно, например, пойти дождю из этих больших туч вон там на западе, чтобы море успокоилось до некоторой степени.

— Есть ли надежда, что это случится прежде, чем наступит роковой момент?

— Трудно сказать. Очень может быть, что заход солнца, охладив атмосферу, вызовет из облаков дождь; но когда это случится — через пять минут или через час? Вот чего не угадает даже самый опытный моряк.

Между тем буря усиливалась. Шквалы налетали такие, что «Ральф» — так назывался бриг — почти совсем ложился штирбортом¹ на воду. Самый опытный мореплаватель и тот безошибочно решил бы, что надежды на спасение нет.

Чтобы лучше видеть происходящее на море, Надод откинул с головы капюшон. Наружность у этого человека была самая отталкивающая. Сложения он был атлетического, широкоплечий, с бычьей шеей, на которой сидела безобразная голова, слишком громадная даже для такого большого тела. Все лицо его почти сплошь покрывала жесткая, как кабанья, щетина, красно-рыжая борода соединялась с волосами того же оттенка, закрывавшими лоб по самые брови и падавшими сзади на плечи, словно львиная грива. Губастый зверский рот с широким разрезом, усаженный огромными зубами, и широкий плоский нос с придавленными ноздрями довершали сходство Надода с хозяином Атласских горных лесов — берберийским львом, только в фигуре пирата не было той величественности, которую обыкновенно приписывают царю зверей. Напротив, вся наружность Надода говорила о самых низменных инстинктах и страстях, черты его были лишены малейшего намека на благородство. Отвратительное впечатление, производимое этой физиономией, усугублялось еще тем, что левый глаз, вероятно по какому-нибудь несчастному случаю, почти совсем выкатился из своей орбиты и остался в таком положении навсегда, пристальный, неподвижный, мутный, без век, с каким-то сатанинским каменным взглядом. Невозможно передать словами то ужасное впечатление, которое производил на всякого этот мрачный, потухший взгляд.

Чувствовалось, что обладатель этой наружности способен на всякую гадость, на всякую жестокость, на всякий грех... Из даль-

¹ *Штирборт* — правая сторона судна, если смотреть с кормы.

нейшего рассказа читатель увидит, что первое впечатление вполне соответствовало действительности.

Кто же такой он был? Каково его прошлое? Откуда он? Как попал на борт «Ральфа»? Никто из команды брига этого не знал... Никто, кроме капитана Ингольфа.

Последний представлял собой резкую противоположность своему товарищу. Ростом он был еще выше Надода, но строен и гибок, как человек благородного происхождения. Костюм моряка с капитанским шитьем сидел на нем ловко и элегантно. Прежде Ингольф служил в датском военном флоте, но вышел в отставку вследствие какой-то истории с начальством — истории, впрочем, вовсе не позорной для его чести. Когда в 1788 году разразилась война между Россией и Швецией, Ингольф предложил последней свои услуги и получил крейсерский патент.

Густав III¹ хотел даже зачислить его в регулярный флот, этому воспротивился корпус офицеров, и король ограничился тем, что дал Ингольфу в команду превосходный корсарский бриг с сорока пушками и восемью гаубицами и предоставил ему право носить капитанский мундир.

Ингольф набрал себе команду из всевозможных головорезов и через короткое время прогремел славою как ловкий корсар. Вскоре, однако, шведы, теснимые русскими, заключили мир, и выданный Ингольфу патент сам собою утратил значение. Однако Ингольф, не надеясь даже за оказанные услуги быть зачисленным в регулярный флот, просто-напросто позабыл возратить шведскому правительству бриг «Ральф» и продолжал корсарствовать, низойдя до степени обыкновенного пирата.

Таким образом, по вине узкого сословного соперничества Швеция лишилась услуг даровитого офицера, а преступное ремесло получило нового мастера.

Первое время Ингольф действовал лишь из мести, преследуя шведские корабли, состоявшие под командою враждебных ему офицеров. Он вступал с ними в отчаянные битвы и пускал их ко дну без всякого милосердия. «Все Ваши корабли, — писал он неблагодарному Густаву III, имевшему слабость покинуть своего преданного слугу... — все Ваши корабли я уничтожу один за другим». И он принялся усердно исполнять обещание. Однако европейские державы вскоре обратили внимание на смелого пирата и на-

¹ Густав III (1746–1792) — король Швеции с 1771 года.

чали его преследовать, тем более что он, не имея чем содержать свой экипаж, оказался вынужденным нападать и на купеческие корабли. Раздраженный преследованием, Ингольф объявил державам войну, обратившись ко всем европейским кабинетам с дерзким письмом, получившим историческую известность. В этом письме он нахально объявлял о своем вступлении на вымышленный престол и подписался: «Ингольф I, король Северного полюса». В довершение насмешки он называл каждого государя «мой добрый брат» и выражал надежду установить с ним впоследствии дипломатические отношения.

Дерзость эта привела к тому, что всем европейским морякам было предписано преследовать злодея неумолимо и в случае его поимки немедленно повесить со всей командой на реях «Ральфа», а самый бриг тут же, среди моря, сжечь.

Но такой приказ было легче дать, чем исполнить. Ингольф сделался положительно неуловим. Рассчитывали поймать его, когда он по необходимости зайдет в какой-нибудь порт, а между тем его нигде не было видно.

Зато горе было тому кораблю, который отваживался пуститься один в сколько-нибудь далекий путь. Такой корабль, ушедши, уже не возвращался назад. В какую-нибудь темную, безлунную ночь он среди океана подвергался нападению бесчисленных молчаливых демонов, которые без слов, без криков начинали с того, что истребляли весь экипаж до последнего матроса. Слышен был только стук абордажных топоров, крошивших тела людей... Тщетно искали испуганные моряки спасения, бросаясь в волны. Борьба прекращалась лишь с гибелью последнего человека.

Так исполнял свое страшное дело «Ральф». Груз с захваченного корабля немедленно перетаскивался на разбойничий бриг, и пираты исчезали, предварительно потопив опустошенное судно. Куда они отвозили добычу? Где было их убежище, их гнездо? Никто не мог этого разузнать, несмотря на все поиски, а между тем такое убежище, несомненно, существовало, потому что пираты, когда их начинали слишком сильно теснить, вдруг исчезали куда-то и не показывались иногда по несколько месяцев.

Эти молниеносные нападения, это таинственное, бесследное исчезновение многих кораблей и вообще вся легендарная сторона жизни Ингольфа снискали ему прозвище Капитан Вельзевул. А между тем Ингольфу в то время не было и двадцати восьми лет.

Глава II

МАЛЬСТРЁМ¹

Во время этих ночных нападений «Ральф» обыкновенно терял очень многих людей, и в конце концов команда его все-таки значительно уменьшилась бы числом, если бы капитан Ингольф не пополнял постоянно свои ряды. Персонал брига составляли, кроме капитана, его помощник Альтенскёльд, которого сокращенно звали просто Альтенс, четыре лейтенанта: Лютовиг, Йохан, Эриксон и Билль, причем последним двоим было всего по двадцать лет, шесть старших матросов с боцманом, восемь вахмистров и шестьдесят простых матросов. Был еще бухгалтер, несчастный писец Джон Ольдгам, англичанин, которого Ингольф держал для ведения счетов, чтобы избавить себя от нареканий в неправильности раздела призов. Этот Ольдгам служил прежде писцом у провинциального нотариуса, но в один прекрасный день пираты похитили его из конторы, находившейся в одной английской прибрежной деревушке. Почтенный Ольдгам объявил, что не признает ни за что законности своего положения и если будет работать, то только по принуждению. Для того чтобы пираты не приобрели над ним прав предусмотренным и до сих пор не отмененным XXXVIII статутом Этельреда I, английского короля из саксонской династии, носящим название «*De servitudine hominis*», Ольдгам требовал, чтобы его подводили к конторке в сопровождении двух солдат с примкнутыми штыками. Каждый день, приступая к составлению счетов, он начинал с письменного формального протеста против насилия, которому его подвергали вопреки всем божеским и человеческим законам и в нарушение акта «*Habeas corpus*»². Этот протест он вручал солдату для доставления капитану Ингольфу и лишь после того принимался за свою бухгалтерию. Дело свое он делал хорошо, предполагая, однако, что находится на шведском крейсере, а не на пиратском судне.

Когда Ингольф терял трех или четырех матросов из своей команды, он вылавливал из воды соответствующее число бросившихся в нее неприятельских моряков и ставил их перед выбором — смерть или служба на «Ральфе». Не было еще ни одного примера,

¹ *Мальстрём* — водоворот в Норвежском море у северо-западного побережья Норвегии.

² *Habeas corpus* (лат., букв. «ты должен иметь тело») — гарантия личной свободы, согласно английскому (а с XVII века и американскому) праву.

чтобы предпочтена была смерть, а через три месяца новые рекруты превращались в заправских пиратов, готовых для своего капитана на все.

Даже почтеннейший Ольдгам, помимо ежедневного слабого протеста, аккуратно заносимого в книги, в конце концов свыкся со своей жизнью на «Ральфе», к тому же она обогащала его и избавляла от вечных супружеских сцен, которые там, в Англии, задавала своему мужу изо дня в день в течение двадцатилетнего сожи-

тельства почтенная миссис Ольдгам, обладавшая, впрочем, по словам мистера Ольдгама, ангельским характером.

— О, она очень добра, — говорил мистер Ольдгам, — но подумайте только: на двадцать два шиллинга в неделю прокормить, одеть и обуть одиннадцать детей!.. Ведь это, согласитесь, чей угодно характер испортит.

Со времени исчезновения господина клерка чья-то невидимая рука доставляла его супруге двести долларов в месяц, и почтенная мать семейства воссылала к Богу пламенные мольбы, чтобы муж ее как можно дольше не возвращался.

Таков был личный состав странного корабля, по дисциплине и порядку не уступавшего самому лучшему военному судну, но в данный момент влекомого ветром и течением на норрландские рифы.

Но зачем бриг явился в эти опасные места?

Это была тайна между Надодом Красноглазым и Капитаном Вельзевулом — тайна, никому, кроме них, не известная на корабле.

Несмотря на то что каждый матрос видел неминуемую гибель, ни один из них не роптал — до такой степени сильна была привязанность их к капитану.

Между тем корабль все неся и неся на скалы... Ингольф неподвижно стоял, смотрел и ждал.

Не то было с Надодом. Распустив по ветру свои рыжие волосы, вытаращив налитый кровью страшный глаз, он задышался от ужаса и бессильной злобы.

— Послушай, да сделай же что-нибудь! — кричал он не своим голосом, обращаясь к Ингольфу. — Я не моряк, но я посоветился бы так пасовать перед бурей, как это делаешь ты. Ведь подумай: ты рискуешь жизнью храбрых матросов...

— А главное — жизнью храброго Нада, — иронически возразил капитан. — Однако ты очень дорожишь своей жизнью. Удивляюсь: что тебя так к ней привязывает? Будь я так безобразен, как ты, я бы желал себе смерти.

— Удивляюсь, как ты можешь шутить в такую минуту! — вскричал выведенный из себя Надод. — Ведь мы в какой-нибудь сотне метров от этих страшных скал...

Ингольф не отвечал ничего. Он теперь внимательно следил за ходом корабля.

— Да послушай же! — не унимался Красноглазый, тряся Ингольфа за рукав.

— Замолчи, гад! — оборвал его капитан, вдруг вспыхнув от гнева. — Замолчи и не мешай мне, иначе я тебя раздавлю!

Одним толчком Ингольф спихнул его с мостика, так что Надод кубарем скатился на палубу.

Надод был очень сильный мужчина, но не мог сладить с Капитаном Вельзевулом, не имевшим себе равного по силе. Ингольф легко поднимал на плечо большую пушку и, пройдя с ней по всему кораблю, ставил ее на прежнее место.

Безучастие Ингольфа к опасности было только кажущимся, внешним. На самом деле он ни на миг не переставал придумывать, как спасти от гибели свой корабль.

Он решил испытать последнее средство. Всякий моряк знает, что волна, ударившись о берег, отскакивает от него и этим обратным движением задерживает следующую волну. Таким обратным движением и решил воспользоваться Ингольф. Маневр трудный и опасный, но иного способа не было.

Бриг несся на скалы. Надод с затаенным бешенством глядел на Ингольфа своим неподвижным глазом.

Вдруг Ингольф бросился к рулю и сам стал им действовать, не переставая отдавать приказания.

Уже почти у самых скал корабль попал в обратные волны и круто повернулся. Через несколько минут он был опять далеко от скал.

Конечно, это еще не было спасением, но маневр можно было повторить с надеждою на такой же успех.

Но тут вдруг счастье окончательно повернулось лицом к Ингольфу: из туч полил дождь и ветер разом утих.

Громкое «ура» вылетело из уст всех матросов.

— Ура! Ура! Да здравствует Капитан Вельзевул!

Ингольф спокойно вернулся на свой капитанский мостик.

Его корабль победоносно справился с тяжелым испытанием и готовился войти в безопасный от ветров фьорд Розольфсе.

— Ну что, Над? — спросил капитан своего товарища. — Не прав ли я был, говоря, что в море никогда не следует отчаиваться?

— Прости меня, что я давеча вспылел, — отвечал Надод, — но если бы ты только знал, как мне не хотелось умирать так близко от цели. Я всю жизнь жил одной мыслью — отомстить своему врагу, сказать ему: «Харальд Бьёрн, узнаешь ли ты Надода, узнаешь ли ты свою жертву?..» Да, Ингольф, я непременно должен рассказать тебе свою историю, и, может, ты тогда поймешь мои чувства и пожалеешь уroda Надода — Надода Красноглазого. Не всегда

я был таким каторжником и не сам по себе им сделался, а благодаря одному человеку. Ты узнаешь мою историю и, наверное, согласишься, что грабитель Мальстрема вполне может протянуть руку пирату Мальме... Соединимся в общей ненависти, и вдвоем с тобой мы потрясем целый мир...

Ингольфу пришлось по душе предложение Надода. Его давно интересовала эта таинственная личность, и узнать тайну Красноглазого ему было бы очень приятно.

Присмотревшись к погоде, Ингольф сделал нужные распоряжения, поручил команду Альтенсу и сказал Надоду:

— Пойдем ко мне в каюту. Там нам никто не помешает, и мы сможем поговорить совершенно свободно...

Никто не мог знать, о чем они говорили, но, когда они оба вернулись на палубу, Ингольф был бледен, точно сейчас совершил преступление, а на безобразном лице Красноглазого Нада отражалась свирепая радость.

Глава III

УДИВЛЕНИЕ ИНГОЛЬФА

Настала ночь. Океан еще не успокоился окончательно, но волны вздымались тише и уже не так круто, что предвещало близкое успокоение. Вследствие дождя ветер быстро переменялся на северо-западный, и «Ральф», получая его со стороны штирборта, легко огибал линию скал, составлявших мили на три или четыре продолжение Розольфского мыса. Эти скалы вместе с берегом образовали глубокую бухту, где волны под напором ветра, казалось, совершенно обессилевали, и возле отвесной стены береговых утесов в глубине бухты не было видно kloкочущей белой пены прибоя.

Заметив это обстоятельство, Ингольф призадумался, так как причина этого явления не была для него вполне ясна. Он не понимал, каким образом волны, с силою налетая на берег под порывами ветра, могли ударяться о скалы, не образуя обычного прибоя.

Ингольф взял ночную зрительную трубу и стал смотреть в нее, но не разглядел ничего, кроме черной линии вод, почти сливавшейся с темным гранитом утесов.

— Странно, — пробормотал он. — Я никогда не видал ничего подобного.

Он подозвал к себе своего помощника Альтенса.

— Посмотри, — сказал он ему, указывая на берег, к которому все ближе и ближе подходил корабль.

Альтенс взял поданную ему капитаном зрительную трубу и, поглядев в нее несколько минут, вскричал:

— Необыкновенное что-то!

Капитанский помощник на «Ральфе» — старый моряк, родившийся в рыбацкой лодке, — не помнил, чтобы когда-нибудь провёл на суше больше времени, чем требуется для того, чтобы заключить новый договор с арматором после истечения срока старого. Поэтому он смотрел на сушу лишь как на место для снабжения кораблей всем необходимым, а больше не годное ни на что. Вне своего ремесла он ничего не признавал и выражал свои мысли кратко, отрывисто — совершенно тем же тоном, каким отдавал приказания.

— Что ты видишь? — спросил капитан, говоривший со своим помощником всегда так же лаконично, как и он.

— Прибоя нет, — отвечал помощник.

— Как же ты на это смотришь?

— Проход опасен.

— То есть как?

— Водоворот близ Розольфского мыса.

— Откуда ты его знаешь?

— Слышал от местных моряков... Хуже Мальстрема.

— Что же теперь делать?

— А мы куда идем-то?

— Во фьорд Розольфсе.

— Нужно миновать центр притяжения, выйти в море и обогнуть мыс миль на шесть в открытом море.

— Я то же думал и очень рад, что мы с тобой сходимся. Во что бы то ни стало нам нужно подняться под ветер...

— Опоздали! — перебил Альтенс.

Действительно, «Ральф» получил сильный толчок, и паруса его захлопали, как если бы они сразу освободились от действия на них ветра.

Ингольф понял опасность.

— Руль на бакборт!¹ — крикнул он кормчему, рассчитывая повернуть корабль под ветер.

¹ *Бакборт* — левая сторона судна, если смотреть с кормы.

Бриг не послушался. Увлекаемый быстрым течением, он вступал в центр огромного водоворота, который теперь должен был подхватить его и понести, как легкую пробку...

На этот раз гибель была неминуема. Бригу предстояло описывать большие круги, вращаясь с умеренной скоростью, но постепенно эта скорость должна была увеличиться, а круги должны были делаться все теснее и теснее — вплоть до самого центра, где «Ральфу» предстояло перевернуться и разбиться на тысячу кусков.

Страшное явление это, происходящее всего лишь в четырех или пяти пунктах земного шара, обуславливается исключительным расположением берегов, образующих неполную окружность, в которую под влиянием особого ветра волны врываются с неслышанной силой и бегут вдоль изогнутой линии берега, а не прямо на него. Достигнув конца окружности, они приобретают все большую и большую силу и продолжают свое круговое движение, вследствие чего образуется поддерживаемый новыми волнами водоворот, губительный для мореплавателей. Против таких водоворотов нет никакого спасения, и море в таких местах успокаивается лишь по прекращении особого ветра. Водовороты эти называются по-норвежски «мальстремами» («течение, которое мелет»).

У берегов Норвегии существует два таких водоворота: один близ острова Моске, производимый южным ветром, а другой на западе, близ Розольфского мыса, производимый северным ветром. Последний водоворот менее известен, чем первый, так как реже посещается кораблями, но гораздо опаснее.

С первого же взгляда Ингольф понял ужасную истину. На лбу у него выступил легкий пот — но и только. Больше он ничем не выразил потрясения, которое испытывает всякий человек при быстром переходе от уверенности в спасении к осознанию грозящей опасности.

— Ни слова матросам, Альтенс, — сказал капитан. — Мы всегда успеем их предупредить, а сперва я хочу посмотреть, неужели действительно нет никакого спасения.

Помощник поклонился и, не ответив ни слова, сошел с мостика.

— Что ты такое сказал? — спросил Надод, подходя к капитану.

Во время последнего разговора он стоял, облокотясь на перила штирборта. Обманутый наружным спокойствием волн, он не обращал большого внимания на беседу Ингольфа с Альтенсом, но последние слова капитана неприятно поразили его слух.

— Вот что, Надод, — серьезно сказал ему капитан, — наступила минута показать, действительно ли ты мужчина.

— Ты меня пугаешь, — отвечал Красноглазый. — Что за торжественность!

— Не думай, я не шучу, Надод. Мы избавились от одной опасности лишь затем, чтобы попасть в еще худшую. Ты имеешь понятие о Мальстреме?

— Слыхал, — отвечал урод с конвульсивной дрожью в теле, — но только ведь он не у этого берега.

— Ты говоришь о Мальстреме близ Москве, но, к несчастью, он не один. Есть еще Мальстрем близ Розольфсе, и вот в него-то именно мы и угодили. Взгляни, бриг уже не слушается руля.

Говоря эти слова, Ингольф схватил штурвал и повернул его до самого конца цепи: бриг не повернулся ни на йоту.

Опыт был слишком убедителен. Надод так и обмер.

— Стало быть, нет никакой надежды? — спросил он своего товарища.

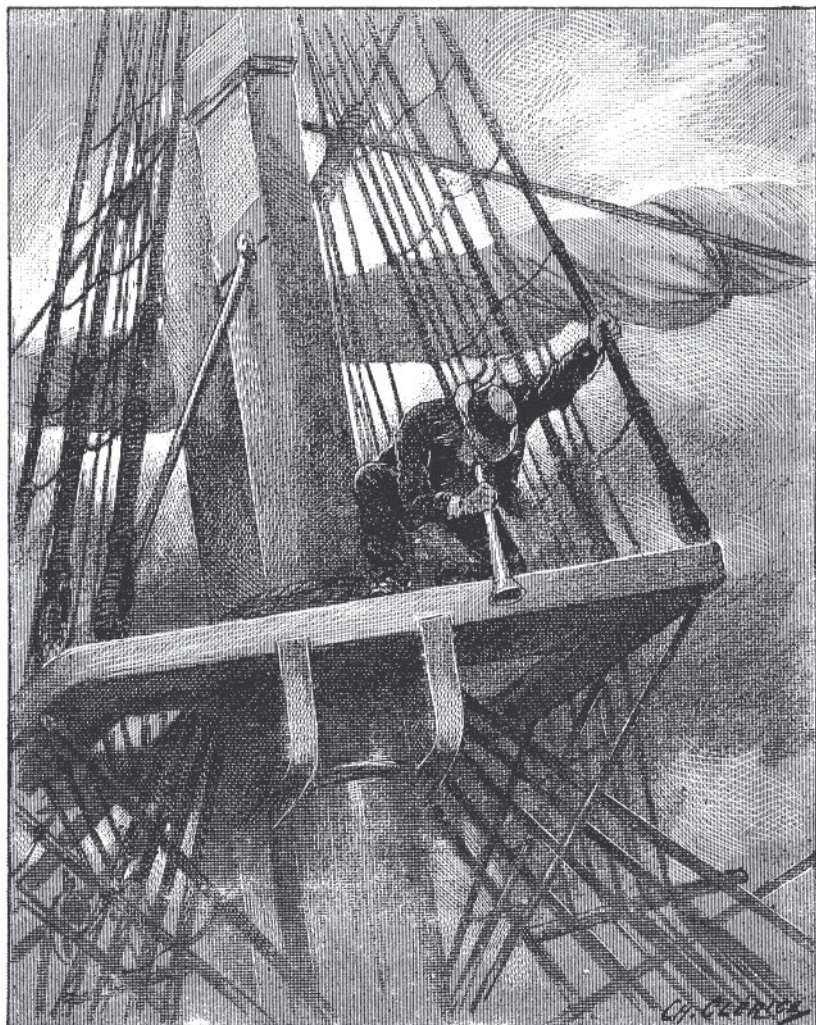
— Никакой, — отвечал Ингольф. — Невозможно сразу бороться против ветра, течения и центробежной силы. У нас нет точки опоры.

— Хорошо, — возразил Надод со спокойствием, которое резко противоречило его прежнему волнению. — На земле всегда есть жертвы, и я являюсь одной из таких жертв. Так записано в Книге судеб: к чему же бороться с судьбою? Ты увидишь, Надод Красноглазый сумеет умереть.

— Странно, что ты нас не предупредил, а еще жил в этих местах. Не может быть, чтобы ты никогда не слыхал об этом губительном течении.

— Ты забываешь, что я не моряк, и если слыхал в детстве разные страшные рассказы о кораблях, погибших в Розольфсе, то считал их легендами, не придавая им реального значения. — Протянув руку по направлению к твердой земле, он прибавил: — Ты торжествуешь, Харальд Бьёрн. Сокровища, скопленные двадцатью поколениями, останутся за тобою, и, быть может, благодаря им достигнешь ты своих целей! Но если пожелания человека, умирающего по твоей милости, выброшенного тобою из человеческой семьи, могут иметь какое-нибудь влияние на судьбу, то будь ты проклят из рода в род! Будь проклят сам ты, и дети твои, и внуки, и правнуки!..

Вдруг в ночной темноте раздался крик, возбудивший во всех невыразимое волнение.

— Парус по правому борту сзади! — крикнул вахтенный.

Взоры всех жадно устремились в ту сторону, и в эту минуту, как бы для довершения ужаса, полярное солнце, закатывающееся летом не более как на один час, вдруг появилось на горизонте, озарив своими лучами и ясное небо, и коварное море.

Замеченный корабль оказался прелестной стройной яхтой, оснащенной с редким изяществом. На ней развевался белый флаг с золотым крестом. Видно было, что кораблик не имел ничего об-

щего с тяжелыми рыбацкими судами, которые только одни и посещают эти места Ледовитого моря во время ловли трески.

Экипаж «Ральфа», уже понявший свое отчаянное положение, безмолвно и угрюмо следил за маневрами кораблика, быстро бегавшего по волнам позади Розольфского мыса, который защищал его от грозного влияния Мальстрема.

— Это увеселительная яхта, — сказал Ингольф, как бы говоря сам с собою. — Она погибнет, если станет огибать эти скалы, составляющие продолжение мыса.

— Значит, погибнем не одни мы, — заметил Надод с недоброй улыбкой.

Вместо ответа капитан бросил на него самый презрительный взгляд и обратился к своему помощнику:

— Альтенс, через десять минут, если я не ошибаюсь, мы вместе с течением понесемся мимо берега. Проходя мимо мыса, дай поскорее этой шхуне предостерегающий сигнал.

Желая внушить матросам надежду, которой сам совершенно не имел, Ингольф прибавил:

— Она построена не так крепко, как наш «Ральф», и не может бороться с течением.

Слова эти были сказаны с хорошо разыгранной небрежностью и произвели свое действие. На лицах у всех появилась радость. Если бы действительно была опасность, разве капитан был бы так спокоен? Такой искусный моряк никогда бы не сдался без отчаянной борьбы, а между тем он не делал ровно никаких распоряжений. Ну да, конечно, опасность вовсе не так велика, как это кажется...

Таковы были соображения, которыми обменялись между собой матросы и которые рассеяли в них страх, поселив в них доверие к будущему.

Зато сам Ингольф утратил всякую надежду. Он ограничился лишь тем, что велел крепче притянуть руль к бакборту. В таком положении руль мог несколько замедлить роковой приход корабля к центру водоворота, заставив его делать круги значительно шире.

Между тем неизвестная яхта все шла параллельно Розольфскому мысу, который был в этом месте настолько низок, что все движения суденышка были видны очень хорошо. «Ральф» находился по другую сторону того же мыса, описывая свой первый концентрический круг с возрастающей по мере приближения к земле быстротой. Увлекаемый потоком, он вскоре дошел до подводных скал. В эту минуту он был отделен от шхуны, подходившей с другой

стороны в обратном направлении, лишь полосой утесов шириной метров сто, не более. Тогда Альтенс, согласно приказаниям Ингольфа, дал шхуне предостерегающий сигнал, и на грот-мачте брига появился целый ряд огней и флагов.

Все с нетерпением ждали ответного сигнала на этот акт мореплавательского братства, на этот поистине благородный поступок в момент собственной гибели, но шхуна продолжала идти своим путем, не обращая внимания на сигналы «Ральфа». На палубе шхуны не видно было ни одного человека, и, когда корабли встретились, идя по противоположным направлениям, таинственная шхуна показалась совершенно безлюдной. Между тем можно было не сомневаться, что ее ведет опытная рука.

— Странно! — пробормотал Ингольф. — Хоть бы флагом отсалютовали в знак благодарности — и того нет... По всему видно, что яхта знает здешние места лучше нас и что предостережение наше было совершенно не нужно, но все-таки не мешало бы сделать салют людям, которые, сами идя на смерть, пытаются спасти других...

На лице Надода изображалась самая низкая радость. Этот человек только и находил удовольствие в зле, и неудача Ингольфа обрадовала его настолько сильно, что он не мог этого скрыть даже в минуту собственной гибели.

— Послушай, Надод, — сказал ему капитан, которого всегда бесила эта вечная злоба товарища, — послушай, если ты не уймешься, я, честное слово, выброшу тебя за борт, хотя бы только для того, чтоб умирать не вместе с таким зверем.

— Я вовсе не зверь, — возразил Надод с отвратительной гримасой. — Звери — все человечество, которое я ненавижу, и меня всегда радует, когда люди обнаруживают неблагодарность или вообще делают какую-нибудь подлость.

Глава IV

НЕОЖИДАННОЕ СПАСЕНИЕ

Ингольф пожал плечами. Ему было теперь не до того, чтобы заводить спор о подобных вещах. «Ральф» чрезвычайно быстро примчался в глубину бухты, так как в этом месте течение было необыкновенно сильно. В следующие немногие секунды должна

была решиться участь корабля. Что с ним будет? Налетит ли он на утесы или понесется дальше по течению, продолжая вращаться в водовороте? В первом случае развязка наступила бы через две минуты, а во втором корабль достиг бы оси водоворота, лишь описав с ним вместе пять или шесть концентрических кругов с постепенно уменьшающимся диаметром.

Несмотря на уверенность, выказанную Ингольфом, матросы чувствовали, что к ним возвращается прежний страх. Взоры всех были устремлены на полукруг черных блестящих скал, окружавших заднюю сторону бухты. К этим скалам «Ральф» несся как стрела. Волны ревели, ударяясь о берег, со стороны крутых утесистых стен доносился глухой гул, производимый подводными безднами и отражаемый гранитными массами, возвышавшимися над водою.

Вот бриг уже не более чем в двадцати метрах от скал... Вот он сейчас ударится... Сердца у всех так и стучат. Один Ингольф спокоен. Скрестив на груди руки, стоит он гордо на мостике и улыбается равнодушной улыбкой... Вдруг на палубе грянуло оглушительное «ура»: повинувшись течению, корабль делает крутой поворот на расстоянии не более одного метра от скал и несется теперь вдоль дугообразного берега, по-прежнему увлекаемый водоворотом, с которым, к сожалению, не может сладить. Во всяком случае, ближайшая опасность миновала до поры до времени, а сердце человеческое так устроено, что даже Ингольф почувствовал в себе возрождение некоторой надежды. Но все это было лишь беглым проблеском в кромешной тьме: воротясь назад, «Ральф» снова пронесся точно так же, как несся прежде, лишь отступив на несколько метров от прежнего пути. Роковой исход не был тайной ни для кого. Большинство матросов были слишком стары и опыты для того, чтобы не понимать смысла этого кругового плавания.

Приближаясь во второй раз к Розольфскому мысу, капитан пиратов увидел яхту, с необыкновенной смелостью лавировавшую почти у самого края рифов, которые лишь одни защищали ее от губительного влияния Мальстрема.

— Они с ума сошли, — сказал Ингольф Надоду, — должно быть, им хочется разделить нашу участь.

Не успел он договорить, как кораблик повернулся всем бортом и, распустив все паруса, вошел в маленькую природную гавань, совершенно закрытую от ветра. Благодаря узкому входу в гавань вода в ней была спокойна, как в озере.

Ингольф навел на яхту подозрительную трубу.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАБИТЕЛИ МОРЕЙ. <i>Перевод Е. Киселева</i>	5
ЗАТЕРЯННЫЕ В ОКЕАНЕ. <i>Перевод А. Лакидэ</i>	447

Жаколио Л.

Ж 23 Грабители морей ; Затерянные в океане : романы / Луи Жаколио ; пер. с фр. Е. Киселева, А. Лакидэ. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 928 с. : ил. — (Мир приключений).

ISBN 978-5-389-16164-1

Луи Жаколио — прославленный французский писатель и путешественник. В отличие от многих собратьев по перу, находивших сюжеты для своих книг в пыльных библиотеках и тесных кабинетах, Жаколио действительно много путешествовал, подолгу жил в южных широтах, изучая верования и быт местных жителей. Из-под его пера вышло множество научно-популярных книг о загадочных странах «слонов и факиров», однако подлинную известность Жаколио приобрел благодаря своим приключенческим романам, очаровавшим весь мир.

В настоящее издание вошли два самых известных пиратских романа Жаколио: «Грабители морей» (захватывающая история пиратской банды, на самом деле существовавшей в XVIII веке и сорок лет наводившей ужас на мореплавателей по всему миру) и «Затерянные в океане» (рассказ о банковском кассире, волею судьбы ставшем главой тайного общества китайских разбойников).

Впервые в России оба романа публикуются в одном томе в сопровождении полных комплектов иллюстраций французского художника Шарля Клериса (1865–1912).

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЛУИ ЖАКОЛИО
ГРАБИТЕЛИ МОРЕЙ
•
ЗАТЕРЯННЫЕ В ОКЕАНЕ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Ирина Стефанович
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Маргарита Ахметова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.07.2019. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 58. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MPR-24594-01-R